

ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО БЛОКА ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ ФРАНЦИИ (май — декабрь 1940 года)

И. Кадомский

Англо-американское противоречие, как неоднократно указывал товарищ Сталин, являлось одним из крупнейших факторов в мировой политике накануне войны. Это противоречие продолжало оказывать сильнейшее влияние на политику Англии и США и в годы войны.

Вторая мировая война, указывает товарищ Сталин, «возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма»¹. Неравномерность развития капиталистических стран после первой мировой войны снова нарушила равновесие внутри мировой системы капитализма и до крайности обострила борьбу империалистических государств за передел рынков сбыта, источников сырья и сфер влияния. Фашистские страны — Германия, Япония и Италия, — стремясь к войне за передел мира в свою пользу, выступали в качестве наиболее агрессивных государств. Американский империализм так же, как и державы фашистского блока, стремился к переделу рынков сбыта, источников сырья и сфер влияния соответственно экономическому весу США. Главными объектами империалистической экспансии США являлись Южная Америка, Китай и Британская империя. В отличие от Германии, Японии и Италии американский империализм считал тогда невыгодным брать на себя инициативу в развязывании войны за передел мира. США были жизненно заинтересованы в том, чтобы не допустить поражения Англии и раздела её империи между Германией, Италией и Японией. Но в то же время США намеревались использовать затруднения Англии, вызванные агрессивными действиями держав оси, для включения Британской империи в свою орбиту влияния. Американский нейтралитет выражал стремление правящих кругов США сохранить для себя максимальную свободу действий по отношению к обеим воюющим сторонам с тем, чтобы в надлежащий момент выступить в роли арбитра и продиктовать условия мира, выгодного для монополий США. Эта политика основывалась на том предположении, что англо-французский блок достаточно силен, чтобы избежать поражения в войне с Германией, и что англо-французская дипломатия, при содействии американской, сможет предотвратить обострение войны на Западе, повернув Германию против СССР. После поражения Франции в июне 1940 г. США были вынуждены пересматривать свою политику нейтралитета. Но они не отказались от своего намерения использовать критическое положение Англии для захвата её мировых экономических позиций.

В зимние месяцы 1939—1940 г., вместо того чтобы заниматься подготовкой к отражению немецкого наступления на Западном фронте, правительства Англии и Франции готовились начать войну против Советского Союза. До самого начала немецкого наступления на Западе они находились в плену иллюзий о возможности мирного соглашения с Германией.

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6. Огиз, Госполитиздат, 1946.

Весть о начале германского наступления рассеяла эти политические иллюзии правящих кругов Англии и США. В английской и американской печати 10 мая 1940 г. стали называть «роковой датой». Для англо-американских умиротворителей этот день был «роковым» потому, что он принёс крушение планов, рассчитанных на то, чтобы избежать «обострения» войны на Западе. «Это был полный провал политики умиротворения, политики отказа от коллективной безопасности, политики изоляции СССР»². Как бы символизируя полное банкротство английской политики умиротворения, один из её главных авторов, Невиль Чемберлен, 10 мая вышел в отставку.

Среди общего уныния и растерянности, охвативших в этот день правящие круги Англии, один человек чувствовал себя счастливым. Это был Уинстон Черчилль. Германское наступление помогло ему стать премьер-министром Англии. «Я не могу скрыть от читателя, — откровенничает он в своих мемуарах, — что когда я ложился спать... я испытывал глубокое чувство облегчения. Наконец-то я имел власть давать направление всему ходу дел... Поэтому... я заснул крепким сном и не нуждался в приятных снах. Действительность была лучше всяких снов»³. В этот грозный для Англии и Франции час Черчилль думал лишь об утолении своей жажды власти; ему была чужда мысль о бедствиях и страданиях, угрожавших французскому и английскому народам.

В Вашингтоне были довольны отставкой Чемберлена. Черчилль пользовался там репутацией политического деятеля, предпочитавшего соглашение и сотрудничество с Америкой соглашению и сотрудничеству с сильной Германией. За две недели до правительственного кризиса в Англии из Вашингтона английские журналисты сообщали, что там продолжают с недоверием относиться к Чемберлену и в то же время внимательно следят за «драматической деятельностью» Черчилля⁴. С самого начала войны Рузвельт учитывал возможную положительную, с точки зрения интересов США, роль Черчилля в направлении английской внешней политики. Ещё в сентябре 1939 г. в своём письме Черчиллю, выразив удовлетворение по поводу вступления последнего на пост морского министра, Рузвельт высказал пожелание установить с ним постоянную переписку.

Официальные круги США с одобрением отнеслись также и к включению в состав правительства Черчилля лейбористов Эттли, Гринвуда, Бевина и других. Проамериканская ориентация министров-лейбористов представлялась в глазах американцев более надёжной гарантией «добропорядочного» поведения английского правительства по отношению к США, чем участие в этом правительстве скомпрометированных представителей клайвденской клики.

Уже в середине мая, решив, что «битва за Францию» проиграна, правительство Черчилля тотчас же начало работать над осуществлением своего плана вовлечения в войну Америки.

Несколько дней спустя после начала немецкого наступления Черчилль стал обращаться к Рузвельту с настойчивыми просьбами оказать эффективную материальную и дипломатическую помощь союзникам. В своей телеграмме от 15 мая Черчилль просил президента объявить США «невоюющим государством», с тем чтобы получить возможность предоставлять союзникам всякого рода помощь, за исключением участия в вооружённых действиях. Он просил также «ссудить» Англии 40—50 эсминцев и послать американскую эскадру «с визитом» в порты Ирландии. Черчилль указывал на необходимость сотрудничества США и Анг-

² «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 67. Огиз. 1948.

³ Churchill W. The second world war. Vol. I, pp. 526—527. London, 1948.

⁴ См. «Spectator» от 26 апреля 1940 года.

лии в деле предупреждения японской агрессии в юговосточной Азии, предлагая использовать Сингапур в качестве базы для американского флота⁵. Рузвельт ответил, что передача эсминцев потребовала бы санкции конгресса и что время для этого неподходящее. Он обещал «изучить» вопрос о посылке американской эскадры в порты Ирландии и содействовать отправке союзникам самолётов, зенитных орудий и стали. Со своей стороны президент просил Черчилля в случае, если произойдёт «худшее», отправить английский флот в Канаду.

Нетрудно заметить, что в своей телеграмме от 15 мая Черчилль настаивал на таких видах помощи, которые в случае их осуществления означали бы отход США от нейтралитета. По расчётам английской дипломатии, Америка этим сделала бы большой шаг по направлению к полному участию в войне. Не имея на этот счёт от американского правительства определённых заверений, английское правительство со своей стороны не спешило давать категорических обещаний относительно того, как оно намеревается распорядиться своим флотом в случае оккупации Англии германскими войсками. Больше того, в последующие дни Черчилль пугал президента возможностью капитуляции Англии и сдачи английского флота Гитлеру, если США не окажут союзникам эффективную помощь. В телеграмме, отправленной Рузвельту 20 мая с одобрения военного кабинета, Черчилль говорил, что в случае поражения в Англии придёт к власти другое правительство, что он, Черчилль, не сможет отвечать за поведение своих преемников и что, вполне возможно, эти последние согласятся принять требования немцев. «Вы не должны закрывать глаза на тот факт, — говорилось в телеграмме, — что единственным козырем в переговорах с Германией оставался бы флот. Если Соединённые Штаты покинут Англию на произвол судьбы, то никто не будет иметь права порицать тех, кто будет тогда нести ответственность, если они постараются добиться наилучших условий мира»⁶.

Вскоре после начала германского наступления правящие круги США стали весьма пессимистически оценивать исход этой кампании для Англии и Франции. Телеграмма Черчилля от 20 мая, содержащая указание на возможность капитуляции Англии, усилила тревогу в Вашингтоне. Шервуд утверждает, что Рузвельт не рассматривал эту и последующие телеграммы Черчилля как преувеличения и даже был склонен думать, что если Черчилль и ошибался в своих оценках положения, то грешил оптимизмом⁷. «Вашингтон Пост» 23 мая 1940 г. в статье, озаглавленной «Взоры прикованы к английскому флоту», писала о настроениях в Вашингтоне: «В высших официальных кругах столицы в течение последних 24 часов... с подавляющей силой возникла одна забота — любой ценой сохранить и удержать английский флот от перехода в руки Гитлера... Туман рассеялся. Благодушное мнение, что нацисты не смогут достигнуть победы этим летом, исчезает... Одно высокопоставленное лицо заметило, что ожидание того, что английский флот отправится в Канаду, является «оптимистической мечтой»... Английский флот, — заключала газета, — является теперь самой важной шахматной фигурой в мировой политике».

Английский флот действительно оказался весьма «важной шахматной фигурой в мировой политике», вокруг которой в течение четырёх месяцев велась очень сложная дипломатическая игра. Игроки не высказывались откровенно о своих замыслах и намерениях, но тем не менее великолепно понимали друг друга. Правящие круги США пришли к вы-

⁵ Churchill W. Указ. соч. Т. II, «New York Times» от 4 февраля 1949 года.

⁶ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 7 февраля 1949 года.

⁷ Roosevelt and Hopkins. An intimate history by R. Sherwood, pp. 141 — 142. New York. 1948.

воду, что в результате завоевания Франции уже невозможно помешать Гитлеру выйти на побережье Атлантики. Однако, если английский и французский флоты окажутся вне досягаемости Германии и, ещё лучше, под контролем Америки, тогда всё ещё можно будет удерживать Гитлера в пределах европейского континента. Американские империалисты видели и ещё одну сторону в этой крупной игре. Они надеялись, что, встретив «непреодолимое» препятствие на водных рубежах Западной Европы, «безработные» механизированные армии Гитлера, как об этом позднее писал Липпман, неизбежно должны были бы устремиться на «открытые равнины» Советского Союза.

Правительство США не считало возможным давать какие-либо определённые заверения относительно военной помощи союзникам. Но оно пыталось убедить их, что собственные интересы Англии и Франции требуют того, чтобы их флоты были поставлены вне досягаемости немцев. Один из главных американских аргументов сводился к тому, что Германия не может выиграть войну, пока английский и французский флоты останутся в «неприкосновенности», и что мир, которым в конечном счёте, закончится война, будет в этом случае для Англии и Франции менее «суровым». Американское правительство 26 мая обратилось к Англии и Франции с официальными нотами, в которых говорилось, что судьба флотов этих держав представляет огромный интерес для США и что эти флоты составляют единственную надежду «на восстановление Англии и Франции»⁸.

Речь Черчилля в палате общин 4 июня содержала заверение, как будто бы отвечавшее пожеланиям правительства США. Премьер-министр заявил: «Мы никогда не сдадимся. Даже если, чего я ни на минуту не думаю, этот остров или его большая часть будет покорён... тогда наша вооружённая империя, охраняемая английским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока не наступит время, когда Новый свет со всей своей силой и мощью не выступит для освобождения и спасения Старого света».

Речь Черчилля произвела в США благоприятное впечатление. Но правительство Англии поспешило само рассеять «благодушные» настроения американцев, вызванные этой речью. Английский посол в США Лотнан тотчас же сообщил Черчиллю о своей тревоге по поводу последствий его заявления в палате общин. Он указывал, что это заявление ободряет тех американцев, которые полагают, что, если даже Англия падёт, английский флот так или иначе отправится на их сторону Атлантики. Черчилль (9 июня) предложил Лотнану в его беседах с президентом разъяснить, что заключительные слова речи от 4 июня были адресованы Германии и Италии, что в действительности же он, Черчилль, не может сказать, какова будет судьба английского флота, если Англия потерпит поражение и к власти придёт прогерманское правительство. «Вы должны с ним говорить в этом духе, — инструктировал Черчилль английского посла, — и, таким образом, расхолодить благодушную уверенность американцев в том, что они подберут осколки Британской империи посредством их нынешней политики. Наоборот, они ужасно рискуют тем, что их морская мощь будет полностью превзойдена. Больше того, нацисты определённо потребуют (от Англии. — И. К.) острова и базы для того, чтобы держать США под угрозой»⁹.

Правительство Англии совсем не собиралось лишать себя свободы действий по отношению как США, так и Германии. Оно рассматривало английский флот как «важный козырь» не только в переговорах с Гер-

⁸ «The memoirs of Cordell Hull». Vol. I—II, p. 772. London. 1948; Langer W. Our Vichy gamble, pp. 13—14. New York. 1947.

⁹ Churchill W. Указ соч.; «New York Times» от 1 марта 1949 года.

манией, но и с США. Связать себя обещанием отправить флот в Канаду, т. е. фактически поставить его под контроль США, с точки зрения английской дипломатии, означало бы поставить Англию в такое положение, когда судьба её империи решалась бы Америкой и Германией, при весьма слабом голосе в этом деле самих англичан.

В своих мемуарах Черчилль пытается представить дело так, что его постоянные предостережения Вашингтона о возможности капитуляции Англии являлись лишь дипломатическим средством, или, проще говоря, средством шантажа, с целью получить эффективную помощь от Америки и что его речь от 4 июня действительно выражала «непоколебимый дух» английского правительства. Но другие источники показывают, что «непоколебимая решимость» Черчилля «никогда не сдаваться» и продолжать борьбу до последнего солдата Британской империи являлась лишь красивой фразой. Гопкинс во время визита в Англию в январе 1941 г. узнал, что английское правительство летом 1940 г. не имело даже и наброска плана эвакуации правительственных учреждений в Канаду или в другое место. Как выяснил Гопкинс, Черчилль в то время полагал, что если Англия падёт, империи придёт конец, — по крайней мере, временно — и руководство остатками Британской империи перейдёт к Вашингтону¹⁰.

Наступление немцев на Западе, завершившееся капитуляцией Франции, открывает новый этап в истории англо-американских отношений. Под влиянием крупных изменений в международной обстановке, вызванных поражением Франции, и Англия и США были вынуждены пересмотреть свою внешнюю политику.

До весны 1940 г. США проводили политику активного нейтралитета, направленную к тому, чтобы извлечь из войны наибольшие экономические и политические выгоды за счёт обеих воюющих сторон. Эта политика основывалась на следующих двух предположениях: 1) англо-французский блок достаточно силён для того, чтобы избежать поражения; 2) англо-французской дипломатии, при содействии американской, удастся предупредить обострение войны на Западе, повернув Германию против СССР.

Капитуляция Франции серьёзно изменила соотношение сил в пользу Германии. В связи с этим значительно усиливались и позиции Японии на Дальнем Востоке. До весны 1940 г. американское правительство в своей внешней политике главное место отводило планам посреднической роли США в войне. Теперь от этих планов приходилось отказываться. В частности, пришлось отставить в сторону план «нейтрального блока», который был призван служить «бескровной» победе Америки на будущей мирной конференции. Большинство в правящих кругах США начинало решительно возражать против заключения Англией мира по соглашению. Это, конечно, совсем не означало, что летом 1940 г. в Вашингтоне уже считали возможным довести войну до решительной победы над Германией. Возражения шли лишь против такого мира по соглашению, который можно было заключить при сложившемся тогда соотношении сил. После капитуляции Франции мир Англии с Германией означал бы признание господства Гитлера над Западной Европой и неизбежное в этих условиях включение Англии в орбиту германского влияния. На такой мир американские империалисты согласиться не могли: это был бы не американский, а германский мир. Усиленно вооружаясь, они надеялись изменить соотношение сил в пользу США и добиться заключения более выгодного для себя мира. Американские правящие круги продолжали свои главные надежды возлагать на то,

¹⁰ Roosevelt and Hopkins. Указ. соч., стр. 147.

что Германия в конце концов повернёт против СССР и, ослабляя силы советского государства, надорвёт и свои собственные¹¹.

Для того чтобы спасти Англию от поражения или предупредить возможность заключения ею мира с Германией, США были вынуждены всеей более действенной помощью заполнить брешь, образовавшуюся в результате выхода Франции из войны. Правительство США не намеревалось тотчас же открыто вступать в войну совсем не потому, что конгресс не дал бы на это своего согласия. История учит, что американское правительство, когда оно этого желало, всегда умело ставить конгресс перед совершившимся фактом. Первая действительная причина заключалась в том, что США не могли оказать немедленной помощи отправкой своих войск в Англию. К этому времени огромные ресурсы США ещё не были мобилизованы для военных целей. В мае 1940 г. США были в состоянии снабдить современным оружием армию не более чем в 75 тыс. человек¹². Второе соображение было связано с положением на Дальнем Востоке. И в Вашингтоне и в Лондоне считали, что американский флот должен оставаться на Тихом океане. Кроме того правящие круги США в это время не были уверены в твёрдости позиции Англии. Каково будет положение США, вопрошали многие конгрессмены, если они вступят в войну, а Англия «выскользнет из кампании» и предоставит американцам одним вести войну?

Правительство США намеревалось оказать Англии любую помощь, исключая — в ближайшее время — участие в военных действиях. Количество вооружения, которое американское правительство смогло немедленно отправить в Англию, было весьма незначительным. После Дюнкерка, в июне 1940 г., США согласились передать Англии 750 тыс. винтовок, 80 тыс. пулемётов, 900 полевых пушек¹³ из своих запасов, оставшихся от войны 1914—1918 годов. Военное министерство США отказалось в пользу Англии от некоторого количества самолётов, которое оно должно было получить от американских фирм. Это было всё, что США нашли возможным предоставить Англии в такой момент, когда английская оборона находилась в самом критическом состоянии.

Летом 1940 г. преобладающая часть правящих кругов США не верила в возможность длительного сопротивления Англии. Особенно скептически были настроены военные круги. Американские генералы всегда преклонялись перед германской военной школой, и они, повидимому, были первыми среди тех, кто поверил в миф о непобедимости германской армии. Как писали Дэвис и Линдлей, в то время «четыре пятых (американского. — И. К.) генерального штаба рассматривало положение Англии как отчаянное»¹⁴. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Питтмен был настолько уверен в неспособности Англии отразить вторжение германской армии на английский остров, что вскоре после капитуляции Франции осудил тех, кто «бесплодно поощряет Англию продолжать войну», и заявил, что правительство Черчилля «поступило бы умнее, если бы оно оставило английский остров Гитлеру и перевело свой флот» в Америку. Извиняясь перед англичанами за «непрощенный» и «бестактный» совет Питтмена, журнал «Нью Рипаблик» просил их принять во внимание, что Питтмен не является «действительным лидером» США и занимает свой пост в сенате только благодаря тем услугам, которые он оказывает «серебряным интересам своего штата»¹⁵.

¹¹ Первыми словами Гопкинса при получении известия о нападении Германии на СССР были: «Политика поддержки Англии окупилась!» (Roosevelt and Hopkins. Указ. соч., стр. 303; см. также Welles S. The time for decision, pp. 170 — 171).

¹² «Congressional Record» от 13 мая 1940 г., стр. 9108.

¹³ Stettinius. Lend-lease, p. 25. New York. 1944.

¹⁴ Davis and Lindley. How war came, pp. 93—94. New York. 1942.

¹⁵ «New Republic» от 8 июля 1940 года.

Редакции журнала, повидимому, не было известно, что в то время в Вашингтоне вопросом о переезде английского правительства в Канаду интересовались люди и поумнее Питтмена, в том числе и «действительные лидеры» США.

Правительство США видело свою главную задачу в том, чтобы предупредить возможное мирное соглашение Англии с Германией. «Страшная возможность, — указывают полуофициальные интерпретаторы внешней политики США, — вынужденного или добровольного выхода Англии из войны и вступления её в орбиту держав оси являлась навязчивым кошмаром для правительства»¹⁶. В Вашингтоне считали, что мир по соглашению между Англией и Германией представлял бы для США более серьёзную опасность, чем оккупация немцами английского острова в результате военных операций. В последнем случае оставалась надежда, что английское правительство, перебравшись в Канаду и захватив с собой флот, будет продолжать войну, в то время как, заключив мир, правительство Англии поставило бы на службу Германии свой флот, британские имперские связи и морские базы. Поэтому в США с большой тревогой следили за поведением английского правительства и за всеми признаками очередного «мирного наступления» Гитлера. Рузвельт запрашивал Черчилля о том, каковы его намерения относительно перевода английского правительства в Канаду или в другое место Британской империи в случае успешного вторжения немцев в Англию. Президент «желал быть уверенным, что Англия последует примеру Голландии, Бельгии, Норвегии, Чехословакии и создаст эмигрантское правительство. Он получил уклончивый ответ»¹⁷.

Ответ Черчилля (14—15 июня) сводился к следующему: «Хотя нынешнее правительство и я лично никогда не поколеблёмся отправить флот на ту сторону Атлантики, если сопротивление здесь будет сломлено, всё же борьба может достигнуть такой точки, когда нынешние министры не смогут больше контролировать события и когда весьма легко можно будет получить мир для Англии ценою превращения её в вассальное государство гитлеровской империи. Прогерманское правительство определённо было бы призвано к власти для того, чтобы заключить мир... Судьба британского флота, как я указывал вам, имела бы решающее влияние на судьбу США потому, что если он присоединится к флотам Японии, Франции и Италии и к большим промышленным ресурсам Германии, в руках Гитлера оказалась бы подавляющая морская мощь... Эта революция в состоянии морской мощи может случиться весьма быстро и определённо раньше, чем США были бы в состоянии приготовиться против неё. Если мы потерпим поражение, вы будете иметь под нацистским господством Соединённые Штаты Европы, куда более многолюдные, более сильные и лучше вооружённые, чем США»¹⁸.

Как видно, Черчилль с явным подчёркиванием рисовал эту мрачную для США перспективу поражения Англии и перехода её флота под контроль Германии. В Лондоне считали выгодным поддерживать тревогу американцев за судьбу английского флота. Следуя указаниям своего правительства, английский посол в США Лотиан в публичной речи 19 июня предостерег против «ошибочных надежд» тех американцев, которые полагали, что в случае поражения Англии её флот так или иначе отправится в Канаду и будет составлять часть американской системы обороны. Эти американцы, заявил он, могут обнаружить, что они «строят свои надежды на иллюзиях и что совсем необязательно, чтобы после поражения Англии английский флот отправился защищать За-

¹⁶ Davis and Lindley. Указ. соч., стр. 182.

¹⁷ Roosevelt and Hopkins. Указ. соч., стр. 147.

¹⁸ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 11 февраля 1949 года.

падное полушарие»¹⁹. Месяц спустя (22 июля) английский посол повторил своё предостережение. Смысл второго заявления сводился к тому, что английский флот мог бы отправиться в Западное полушарие лишь в том случае, если бы США вступили в войну, и что наивно думать, что англичане согласятся поставить свой флот на службу Америке без всяких компенсаций²⁰.

В это время американская печать была полна слухов о мирных переговорах между Англией и Германией. Официальное предложение мира Англии было сделано Гитлером в его речи в рейхстаге 19 июля. Гитлер заявил, что он не видит «оснований к продолжению... борьбы»²¹. Мир был предложен на основе признания господства Германии в Европе и сохранения Англией своей колониальной империи. По словам Черчилля, это заявление Гитлера в последующие дни сопровождалось дипломатическими представлениями через Швецию, США и Ватикан.

Господствующий класс Англии стоял «перед выбором между соглашением с германским капиталом за известную цену или сожжением с американским капиталом, тоже за известную цену»²². Распад англо-французской Антанты привёл к ослаблению позиций Англии и по отношению к Германии и по отношению к США. Английская буржуазия не могла теперь и думать о том, чтобы одновременно вести войну против Германии и отстаивать незыблемость своих мировых позиций против натиска Америки.

Становилось совершенно очевидным, что продолжение войны в союзе с США приведёт к дальнейшему ослаблению позиций Англии в пользу американского империализма, что за американскую помощь придётся уплатить стратегическими базами, уступками в области внешней торговли и усилением экономической зависимости от Америки. Но заключение мира, продиктованного Германией, по словам английского публициста Брейлсфорда, привело бы Англию к постоянной и безнадёжной зависимости от германского победителя. «Германия, — указывал он, — стала бы контролировать ресурсы целого европейского континента, со всеми его стратегическими ключевыми позициями и базами в нескольких океанах. Сопrotивление подобной колоссальной империи было бы невысказанным. Если бы Англия вступила в подобные родственные отношения, то лучшее, на что она могла надеяться, заключалось бы в возможности наслаждаться униженным миром ценою бесспорного подчинения»²³. В выборе решения сыграли значительную роль и позиция британских доминионов и имперские интересы английской буржуазии. Черчилль 18 июня заявил в палате общин, что он получил послания от премьер-министров Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки, в которых они высказывались в пользу продолжения войны. Премьер-министр Австралии Мензис заявил, что «империя настаивает на продолжении войны»²⁴. Мир с Германией неизбежно привёл бы Англию к конфликту с США, а следовательно, и к конфликту с такими доминионами, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, к вероятному отпадению последних от Англии. В этих условиях мир с Германией фактически означал бы раздел Британской империи на германскую и американскую сферы влияния.

Как ни тяжелы были условия сотрудничества с США, но в этом случае, по мнению большинства представителей правящих кругов Англии, у них оставалась надежда вернуть Англии свободу действий после

¹⁹ «Lord Lothian speaks to America», p. 89—90. London. 1942.

²⁰ Там же, стр. 93—94.

²¹ «Правда» от 21 июля 1940 года.

²² Пальм Датт. Правда об англо-американской политике. Журнал «Коммунистический интернационал» № 2 за 1941 год.

²³ Brailsford H. America our ally, pp. 26—27. London. 1940.

²⁴ «Observer» от 21 июля 1940 года.

войны, опираясь на какую-либо новую систему равновесия сил в Европе и на международной арене. Принимая решение продолжать войну, правительство Англии возлагало свою надежду не столько на помощь Америки, сколько на ожидавшееся им нападение Германии на Советский Союз. Черчилль так выразил эти надежды в телеграмме Смэтсу 17 июня: «Если Гитлер потерпит неудачу в попытке разбить нас здесь, он, возможно, шарахнется в восточном направлении. Пожалуй, он может это сделать, даже не попытавшись осуществить вторжение (в Англию.— И. К.) с тем, чтобы найти занятие для своей армии и ослабить напряжение, связанное для него с предстоящей зимой»²⁵. Намёки на возможные «осложнения европейской обстановки, способные временно отвлечь внимание Германии от Англии», содержались и в публичных заявлениях английских государственных деятелей²⁶. При этом английская дипломатия, при поддержке американской, стремилась ускорить нападение Германии на Советский Союз. Правительство Англии отклонило предложение Германии. Галифакс в речи по радио 22 июля заявил, что Англия не может принять предложение Гитлера, поскольку его единственными аргументами являются угрозы. Галифакс призвал англичан к продолжению «крестового похода за христианство», против «Антихриста Гитлера»²⁷. В Вашингтоне вздохнули с облегчением. Хотя опасность англо-германского мирного соглашения полностью и не исчезла, но, по крайней мере, она несколько отодвигалась. На другой же день, 23 июля, правительство США предложило Англии начать официальные переговоры об обмене американских эсминцев на английские базы в Западном полушарии. Достигнутое в результате этих переговоров соглашение представляло собой важную веху в формировании англо-американского блока.

Впервые вопрос об эсминцах был поставлен Черчиллем ещё 15 мая. В то время Рузвельт возражал против передачи эсминцев англичанам. Обстановка была неясной. Американские морские круги считали, что в случае капитуляции Англии указанные эсминцы будут крайне необходимы флоту США.

С 15 мая и до 23 июля этот вопрос являлся предметом неофициальных переговоров, в которых американское правительство выдвинуло встречное предложение: Англия в обмен за эсминцы предоставит США морские базы на территории своих владений в Западном полушарии. США уже давно мечтали о «приобретении» тем или иным путём баз на принадлежавших Англии островах. «Нужда в подобного рода базах... — писал Рузвельт, — давно признавалась морскими и военными экспертами... Но до сих пор не представлялось удобного случая для получения выгоды от подобного рода баз, расположенных в Атлантике». Такого рода «удобный случай», по его словам, представился летом 1940 г., когда выяснилось, что Англия испытывает «жестокую нужду в дополнительном количестве эсминцев для охраны своих торговых судов», и, «таким образом, время было благоприятным для совершения обмена эсминцев на право (США.— И. К.) создать военные базы на этих аванпостах Атлантики»²⁸.

Намерение правительства США использовать «жестокую нужду» Англии в эсминцах для получения баз на английских островах совпало не только с пожеланиями морских кругов, но и с требованиями политических противников Рузвельта из лагеря изоляционистов и рес-

²⁵ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 14 февраля 1949 года.

²⁶ «Daily Herald» от 12 июля 1940 года.

²⁷ «Bulletin of International News» от 27 июля 1940 г., стр. 999.

²⁸ «The public papers and addresses of Fr. D. Roosevelt», 1940 volume, pp. 405—406. New York. 1941.

публиканской партии. Республиканская и изоляционистская печать, начиная с середины мая, возобновила кампанию за «приобретение» английских, французских и голландских владений в Западном полушарии. Так, например, «Вашингтон дэйли ньюс» 15 мая, отметив, что «в последние дни» начали говорить о предоставлении займов союзникам, в качестве «лучшего выхода» предлагала: «...если союзники будут сильно прижаты, они могут за подходящую цену передать суверенитет над своими владениями в Западном полушарии, а выручку израсходовать на закупку (в США.— *И. К.*) самолётов и других предметов, в которых они нуждаются. И это было бы только проявлением просвещённого эгоизма со стороны американских республик уплатить справедливую цену — даже хорошую цену, как подобает дружественным покупателям»²⁹.

В это же самое время сенатская морская комиссия представила сенату доклад, в котором выдвигалось предложение приобрести дополнительные морские базы в Карибском море³⁰. Сенатор Ландин, выступая в сенате 20 мая, предлагал «предпринять что-нибудь» в отношении Гренландии, Исландии, Бермуды, Британской, Французской и Голландской Вест-Индии.

В подобной атмосфере всеобщего «приобретательского» ажиотажа, охватившего американскую буржуазию, правительство США имело все основания полагать, что его план обмена эсминцев на базы, выдержанный в духе традиционного американского барышничества, не встретит сильной оппозиции ни со стороны морских кругов, ни со стороны конгресса.

В беседе с морским министром Ноксом 23 июля Рузвельт выдвинул следующую формулу соглашения: английское правительство в обмен на эсминцы сдаёт в аренду Соединённым Штатам участки для строительства баз, причём Англия сохраняет свой суверенитет над островами. Нокс в тот же день передал это предложение Лотиану. Официальное согласие начать переговоры на основе рузвельтовской формулы английское правительство дало 5 августа³¹. Но потребовался целый месяц для того, чтобы достигнуть окончательного соглашения.

Черчилль настаивал на том, чтобы акт передачи американских эсминцев не связывать с актом передачи американцам английских баз. Он говорил, что 50 старых эсминцев не являются надлежащей ценой за базы. Кроме того он опасался, что торговая сделка в её неприкрытой форме шокирует его политических друзей из числа твердолобых консерваторов и заденет самолюбие англичан. Сопоставление 50 устаревших эсминцев с базами создало бы впечатление, что прижимистые янки изрядно обошли Англию в этой сделке. Поэтому Черчилль, по его словам, стремился придать ей «возвышенную форму». Он предлагал передать США права на базы в виде «свободного дара», получив от США «свободный дар» в виде эсминцев.

Не довольствуясь базами, американцы за свои эсминцы требовали от англичан дополнительного «залога». Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Питтмен 5 августа сделал следующее заявление: «Английский посол... недавно заявил, что Англия может сдать свой флот Гитлеру. Такие настроения не могут служить поощрением для США к передаче 50 эсминцев Англии. В таком случае для США выгоднее держать свои корабли на своей стороне океана и под своим собственным контролем». Питтмен предлагал следующий выход: «Очевидно (английские.— *И. К.*), линкоры непригодны для военных операций в Северном море. Они, повидимому, будут там только помехой... Эти линкоры были бы в большей безопасности на реке Св. Лаврентия. Англия

²⁹ «Congressional Record» от 15 мая 1940 г., стр. 9483.

³⁰ Там же от 16 мая, стр. 9591.

³¹ Stimson H. and Bundy G. On active service in peace and war, p. 356. New York, 1947.

дала бы тогда надёжный залог, который оправдал бы многие жертвы со стороны США»³². На следующий день правительство США потребовало от Англии этого «залога», но в более приличной форме. Лоттиан 6 августа сообщил Черчиллю, что президент желает получить немедленный ответ относительно английского флота. Он желал иметь заверение, что если Англия падёт, английский флот будет продолжать войну с целью защиты заморской империи и не будет сдан или потоплен. Президент указывал, что такого рода заверение оказало бы сильное влияние на позицию конгресса в вопросе об эсминцах. Английское правительство считало это условие неприемлемым. «Мы никогда не должны ставить себя в такое положение, — писал Черчилль Галифаксу, — когда правительство США могло бы сказать: «Мы считаем, что для вас наступило время отправить флот на эту сторону Атлантики в соответствии с договорённостью, достигнутой в момент передачи вам эсминцев». Мы должны отвергнуть любую декларацию, вроде предлагаемой нам»³³.

Серьёзные затруднения Англии, вызванные поражением Франции, США спешили использовать не только для приобретения баз, но и для усиления своего военно-политического контроля над «старшим» британским доминионом — Канадой. В Огденбурге 17 августа Рузвельт встретился с премьер-министром Канады Кингом и достиг договорённости о заключении соглашения о создании совместного американо-канадского Совета обороны Северной Америки. Соглашение означало больше, чем военный союз США с одним из важнейших доминионов Британской империи. Оно явилось официальным признанием того факта, что оборона Канады теперь является делом США, а не Англии. На территории Канады создавались американские воздушные базы и появились американские войска. Существовавший до той поры экономический контроль США над Канадой дополнился теперь открытым военным контролем. Установление американского военного контроля над Канадой было связано также и с пессимистической оценкой правящими кругами США прочности военного положения Англии.

Между тем переговоры об обмене эсминцев на базы не двигались с места. Английские и американские дипломаты азартно торговались относительно условий сделки. Американский проект соглашения предоставлял США право выбирать места для баз во всех английских владениях в Западном полушарии по усмотрению американцев. Англичане решительно отвергли этот пункт соглашения. «За точный список упомянутых средств вооружения (эсминцев. — И. К.), которые мы, в нашей большой нужде, желаем получить, — писал Черчилль президенту, — нам предлагают заплатить неограниченными концессиями во всех упомянутых местах и на всех островах от Нью-Фаундленда до Британской Гвинеи», «где это может потребоваться по усмотрению США...» Ваше обязательство является ограниченным, а наше — неограниченным. Как бы мы ни нуждались в эсминцах, мы не желаем их иметь ценою риска недоразумений с США»³⁴.

Английское правительство продолжало настаивать на том, чтобы сделке был придан «возвышенный» характер обмена «добровольными дарами». Однако правительство США предпочитало открытую торговую сделку. Оно указывало, что принять английский план мешают причины конституционного порядка. Президент, говорили американцы, имеет право покупать и продавать, но он не имеет права делать «подарки» в виде эсминцев, являющихся государственной собственностью. Ни Черчилль, ни Рузвельт не считали возможным отступить от своих

³² «New York Times» от 6 августа 1940 года.

³³ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 1 марта 1949 года.

³⁴ Там же.

формулы соглашения. Переговоры безрезультатно продолжались в течение почти всего августа, несмотря на то, что положение Англии было весьма критическим. Поведение американского правительства во время этих переговоров наглядно раскрывало главную линию его политики: сочетание помощи Англии с максимальным укреплением позиций США за счёт Британской империи.

В конце августа государственный департамент предложил компромиссный план: базы могут быть разделены на две группы: первая группа будет включать Нью-Фаундленд и Бермуду, и их Англия передаст США в виде «добровольного дара»; остальные базы будут переданы США в обмен на эсминцы. План оказался приемлемым для обеих сторон.

Составленный на основе этого компромисса американский проект соглашения начинался словами: «Если Английской остров станет недоступен для английского флота, последний ни в коем случае не будет сдан или потоплен, но будет отправлен в другие порты империи для продолжения обороны империи». Англичане имели основание говорить, что американцы за 50 старых эсминцев желают купить не только базы, но и весь английский флот. Возражая против этого пункта, Черчилль указывал, что он уже дал подобного рода заверение в своей речи 4 июня. Но осторожный Хэлл, большой любитель всяких гарантий и «залогов», желал получить повторное и притом формальное заверение по случаю передачи американских эсминцев Англии. Черчилль согласился дать заверение о флоте, но в форме обмена письмами, не подлежащими опубликованию. Он указывал, что опубликование подобного рода заверения подорвало бы моральное состояние английского народа, создав впечатление, что правительства Англии и США считают возможным завоевание Английского острова немцами³⁵. В действительности Черчилль опасался не только этого. Подобного рода заверение, сделанное в публичной форме, рассматривалось бы в Англии как дополнительная плата за американские эсминцы и ещё более усилило бы впечатление, что в этой сделке англичан явно обошли. В конечном счёте Черчилль был вынужден уступить и в этом пункте.

Соглашение было заключено 2 сентября в форме обмена нотами между английским послом Лоттианом и государственным секретарём Хэллом. Правительство Англии в обмен на 50 американских эсминцев предоставляло правительству США право аренды на срок в 99 лет для немедленного создания и использования морских и воздушных баз на островах Нью-Фаундленд, Бермуда, Ямайка, Санта Лючия, Тринидад, Антигва, на Багамских островах и в Британской Гвиане. Одновременно с этим английское правительство дало письменное заверение в том, что в случае оккупации Англии немцами английский флот ни в коем случае не будет сдан или потоплен, а будет отправлен за море для защиты других частей империи.

Информируя конгресс о состоявшемся соглашении с Англией, Рузвельт заявил, что приобретение новых баз представляет собой самый важный шаг в деле укрепления «обороны» США, сделанный со времени покупки Луизианы³⁶. В. Липпман утверждал, что президенты Джефферсон и Монро признали бы соглашение продолжением своей собственной политики и что Рузвельт и Уилки идут по «главной дороге американской внешней политики». Даже изоляционистская «Чикаго трибюн» одобрила этот акт как «триумф той политики», которую газета, по её словам, «отстаивала с 1922 года». Американские империалисты указывали, что данное соглашение «увенчало длительный процесс ухода Англии из амери-

³⁵ «The memoirs of Cordell Hull», p. 838.

³⁶ «The public papers», 1940 volume, p. 391.

канских морей» и «ликвидацию остатков её былой военной мощи в Западном полушарии»³⁷.

В действительности Огденсбургское соглашение и соглашение от 2 сентября 1940 г. не только подводили итог историческому прошлому в отношениях двух англо-саксонских стран, но и положили начало той погоне за морскими и воздушными базами во всех океанах и на всех континентах, которая явилась выражением нового этапа экспансионистской политики американского империализма и его стремления к мировому господству.

Вполне понятно, что американские империалисты всех оттенков были довольны результатами соглашения. Гораздо труднее, на первый взгляд, понять неумеренные восторги, которые оно вызвало в Англии. Консервативный «Спектейтор» назвал его «блестящей сделкой». «Счастлирое соглашение! Одинаковый энтузиазм по обе стороны Атлантики!» — восклицал лейбористский «Нью Стэйтсмен энд нэйшн». Правда, атмосферу «всеобщего энтузиазма», как всегда, портил «Экономист». «Англия, — писал журнал, — заплатила полную цену за то, что она получила. Пожалуй, англичане даже продешевили. Нужно отдать себе полный отчёт в значении английского заявления не сдавать и не топить своего флота. Это означает, что в случае оккупации население Англии будет обречено на голодную блокаду своим собственным флотом... Американцы не должны преуменьшать цену этого обязательства. Несколько лет тому назад говорили: «Англия надеется воевать до последнего американского солдата». Теперь всё изменилось. Теперь можно сказать: «Америка может рассчитывать воевать до последнего английского солдата»³⁸.

Лейборист Брэйлсфорд отвергал подобный взгляд на соглашение. Те, кто трактовали обмен как сделку, по его словам, обнаружили «бедность воображений» потому, что соглашение является «молчаливым пактом о дружбе и взаимной помощи»³⁹. «Энтузиастам» из консервативно-лейбористской правящей верхушки дело представлялось так, что в обмен на базы Англия получила не только полсотни старых эсминцев, но в придачу и американского союзника. Они надеялись, что различными ухищрениями Черчиллю, Галифаксу и Лотиану удастся не только как можно быстрее втянуть Америку в войну, но и выдвинуть её на первую линию фронта, будь то в Европе или на Дальнем Востоке. Черчилль признаёт, что именно таков был замысел английского правительства, когда оно, начиная с мая 1940 г., добивалось получения американских эсминцев. Он указывает, что не столько нужда в эсминцах, сколько другой, «более повелительный мотив» определял действия его правительства в этом вопросе. По его словам, передача Соединёнными Штатами Англии 50 военных кораблей оказалась бы актом, решительно противоречащим нейтралитету, и это оправдало бы, «согласно всем установленным нормам», объявление Германией войны США. А последнее, по мнению Черчилля, явилось бы наиболее «простым решением многих трудностей»⁴⁰.

Испытывая одновременное давление как со стороны вражеской Германии, так и со стороны «дружественной» Америки, английский империализм искал выхода в том, чтобы как можно скорее столкнуть эти страны между собой. Над решением этой задачи английская дипломатия упорно трудилась с весны 1940 г. и до декабря 1941 года.

Выступая в палате общин 20 августа, Черчилль заявил: «Британская империя и США, до известной степени, будут переплетаться в некоторых сферах их деятельности для взаимной и общей выгоды. Что касается

³⁷ Davis F. The Atlantic system, p. 292. New York. 1941.

³⁸ «Economist» от 7 сентября 1940 года.

³⁹ Brailsford H. Указ. соч., стр. 13.

⁴⁰ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 1 марта 1949 года.

меня, то, заглядывая в будущее, я смотрю на этот процесс без каких-либо опасений. Я не мог бы остановить его, если бы я этого пожелал; никто не может остановить его. Подобно Миссисипи, он постоянно движется вперёд... Пусть он движется полным потоком, неумолимый, непреодолимый, благодатный, к широким берегам и к лучшим дням»⁴¹.

Правительство Черчилля приветствовало «переплетение», или, как выразился Галифакс, «неумолимое слияние интересов», США и Англии. Означало ли это, что Черчилль и Галифакс превратились в пылких сторонников модного тогда в Америке движения, связанного с именем Стрэйта,— движения за государственное объединение США и Британской империи? Конечно, нет. Только воспалённому воображению крайних изоляционистов в США американский либерал-империалист Стрэйт мог представляться платным агентом Черчилля. Уже то, как упорно Черчилль торговался с американцами при заключении соглашения об обмене эсминцев на базы или как не менее упорно он отстаивал год спустя на Атлантической конференции британскую систему преференций, показывает, что этот матёрый английский империалист совсем не собирался безропотно позволять «благодатному потоку Миссисипи» подмывать устои Британской империи.

Английские империалисты приветствовали «переплетение» интересов Англии и США постольку, поскольку оно, во-первых, являлось следствием неизбежных уступок со стороны Англии в надежде получить американскую помощь и, во-вторых, способствовало вовлечению США в войну. Контроль США над обороной Канады и передача американцам английских баз относились к числу такого рода неизбежных уступок. В этом случае Черчилль действительно «течению Миссисипи» помешать не мог, если бы даже и пожелал. «Английская буржуазия,— писал Пальм Датт,— обнаружила своё обычное политическое искусство и гибкость, сумев приспособиться к этому положению, она сделала из нужды добродетель, приветствуя усиливающегося соперника как почитаемого партнёра. Но борьба не закончена. Правящий класс Англии... рассчитывает, что как только минует непосредственная опасность, он снова получит возможность маневрировать и сохранить свою империю»⁴².

В своей речи от 20 августа Черчилль сформулировал новую задачу внешней политики Англии: добиться на основе политики «переплетения интересов» официального или неофициального союза с США для сохранения Британской империи и установления мирового господства англосаксонских держав под флагом «поддержания порядка во всём мире». Ближайшая цель английской дипломатии заключалась в том, чтобы ускорить вступление США в войну. Английские государственные деятели, конечно, понимали, что вступление США в войну в конечном счёте неизбежно. Но в интересах Англии было как можно быстрее выдвинуть Америку на первую линию обороны Британской империи против Германии и против Японии. «Беда в том,— писал Лотиан 19 октября 1940 г. С. Хору,— что США всё ещё остаются официально нейтральными и могут оставаться в таком положении до тех пор, пока... не будет продвинута вперёд их программа вооружения, а она не будет выполнена раньше 1942 года. Они не объявят войну до тех пор, пока не будут иметь эффективного оружия»⁴³.

Для скорейшего вовлечения Америки в войну английская дипломатия в 1940—1941 гг. использовала следующие средства: 1) признание «специальных интересов» США в таком районе, как северо-западная Африка, и передача под «охрану» американцев Исландии и Азорских островов;

⁴¹ Churchill W. Into battle, p. 262. Cassel. 1943.

⁴² Пальм Датт. Правда об англо-американской политике. «Коммунистический интернационал» № 2 за 1941 год.

⁴³ Hoare S. Ambassador of special mission, p. 97. London. 1946.

2) настойчивые предложения установить тесный контакт между главными штабами Англии и США; 3) не менее настойчивые требования участия американского флота в борьбе за безопасность морских коммуникаций в Атлантике; 4) ставка на обострение обстановки в районе северо-западной Африки и на Дальнем Востоке; 5) давление на США в форме угрозы заключить мир с Германией.

Английское правительство стремилось подогреть «интерес» американцев к северо-западной Африке и фактически признало этот район американской сферой влияния. В сентябре 1940 г., во время неудачной попытки англичан занять Дакар, Черчилль писал президенту: «Мы были бы очень довольны, если бы вы послали несколько американских военных кораблей в Монровию или в Фритаун, а я надеюсь к тому времени сделать Дакар готовым к вашим услугам»⁴⁴. В цитированном уже письме С. Хору Лотниан с удовлетворением отмечал, что «интерес США и особенно Рузвельта к Испании, Гибралтару и к Западной Африке быстро растет». «Они начинают понимать, — говорилось в письме, — что выход из Средиземного моря, Дакар, Фритаун и т. п. для них так же важны, как и для нас»⁴⁵. В феврале 1941 г. специальный представитель президента, Донован, после своей поездки по странам Балканского полуострова и Ближнего Востока посетил Мадрид, где, между прочим, имел беседу с английским послом в Испании С. Хором. Действуя «в соответствии с инструкциями посла в Мадриде», С. Хор подчеркнул в разговоре с Донованом, что, «с точки зрения США и Англии, западная часть Средиземного моря может быть даже более важной, чем восточная... Не должна ли она стать... частью доктрины Монроэ... Президент Рузвельт должен взять испанский полуостров и побережье северо-западной Африки под своё особое покровительство»⁴⁶.

Обнаруживая свою готовность отдать северо-западную Африку и даже Пиренейский полуостров под «покровительство» доктрины Монроэ, Англия желала таким способом как можно быстрее заполучить дипломатическую и военную помощь США в защите главных коммуникаций Британской империи — коммуникаций, пролегающих через Средиземное море, — и морского пути вокруг Африки. В Лондоне полагали, что если американский флот примет участие в охране морских коммуникаций в Атлантике, то это не только облегчит задачу английского флота, но и неизбежно поведёт к американо-германским «инцидентам» на море и к открытому военному конфликту США с Германией.

После поражения Франции английское правительство усиленно добивалось установления тесного контакта между генеральными штабами Англии и США. Лотниан 11 июня сообщил Хэлли, что он получил от Черчилля указание передать правительству США предложение о созыве совещания представителей морских штабов для координации военных планов Англии и Америки как в Атлантике, так и на Тихом океане. Две недели спустя, когда Хэлл пожелал получить от Лотниана информацию относительно диспозиции английского флота, английский посол снова выдвинул предложение о созыве секретных совещаний штабов⁴⁷. В последующие месяцы правительство Англии использовало каждый удобный случай для того, чтобы напомнить американцам о своём предложении.

Добиваясь секретной координации военных планов Англии и США, правительство Черчилля прежде всего желало установления сотрудниче-

⁴⁴ Churchill W. The second world war. T. II; «New York Times» от 3 марта 1949 года.

⁴⁵ Hoare S. Указ. соч., стр. 97. Рузвельт ещё в августе 1940 г. в беседе с Гопкинсом сказал: «Если бы мы были вовлечены в войну, для нас было бы крайне желательно высадить десант на вражеском побережье Африки» («The secret papers of H. Hopkins», «Collier's» от 29 мая 1948 года).

⁴⁶ Hoare S. Указ. соч., стр. 108—110.

⁴⁷ «The memoirs of Cordell Hull», p. 797.

ства двух держав на Дальнем Востоке. После поражения Франции англичане крайне нуждались в определённых гарантиях и обязательствах США защищать английские дальневосточные владения. Но вместе с тем английская дипломатия преследовала и другую, ещё более важную цель. Осуществление политики «переплетения» интересов Англии и США, считанной на то, чтобы по возможности скорее втянуть Америку в войну, обещало наибольший успех в районе Тихого океана. Вот почему Черчилль считал войну с Японией весьма желательным делом, но только при том условии, что в эту войну с самого начала будут вовлечены и США. В этом случае, по его словам, Англия «должна была выиграть гораздо больше от вступления США в войну... чем пострадать от враждебных действий Японии»⁴⁸. В свете этих соображений становится понятным тот факт, что, начиная с летних месяцев 1940 г. и вплоть до Пирл-Харбора, англичане в своих секретных переговорах с правительством США ставили вопрос о «согласованных действиях» против Японии более «смело», чем американцы, и выражали свою готовность следовать «руководству Америки» в дальневосточных делах.

Американское правительство отклоняло предложения о созыве секретного совещания штабов, ссылаясь на то, что слухи о штабных переговорах просочатся наружу и противники правительства выступят с обвинениями президента в намерении вовлечь США в войну. Только в конце ноября 1940 г. правительство Рузвельта дало своё согласие на организацию англо-американской штабной конференции, которая начала свою работу в конце января 1941 года. Но вопрос об американских обязательствах защищать дальневосточные владения Англии оставался открытым. Ответ правительства Рузвельта на все демарши английских дипломатов оставался неизменным: без согласия конгресса оно не может взять на себя такие обязательства, которые могли бы вовлечь США в войну, и может только твёрдо обещать Англии любую помощь, кроме участия Америки в военных действиях. В своём оправдании правительство Рузвельта ссылалось на «неподготовленность общественного мнения» в США.

Формирование англо-американского блока сопровождалось серьёзной борьбой в рядах господствующего класса США по вопросам внешней политики. Американская буржуазия разделилась на два главных лагеря: лагерь сторонников всемерной помощи Англии для продолжения войны с Германией и лагерь сторонников соглашения с Германией не только за счёт СССР, но и за счёт Британской империи. Это разделение на лагерь «интервенционистов» и лагерь «изоляционистов-умиротворителей» наметилось ещё перед войной, но чётко обозначилось лишь после поражения Франции.

При этом наиболее влиятельные группы американского монополистического капитала поддерживали политику помощи Англии вплоть до вмешательства в войну. Пожалуй, яснее всех определила свою позицию могущественная фирма Моргана, связанная с Британской империей прочными узами финансовых интересов. Не только рупор этой фирмы, В. Липпман, но и сам Т. Ламонт решительно высказывались в пользу тесного сотрудничества с Англией. К этому лагерю примыкала также группа Рокфеллера с её мировыми нефтяными интересами. Джон Рокфеллер в письме редактору газеты «Нью-Йорк таймс» Сульцбергеру писал: «Моё твёрдое убеждение, к которому я пришёл в результате душевных мук (?!), таково... — мы должны стоять на стороне Британской империи до последней крайности и любой ценой»⁴⁹. Председатель правления рокфеллеровского «Чейз нэйшнл бэнк» Олдрич, выступая на заседании правления банка (14 января 1941 г.), говорил: «Мы — арсенал демократии. Мы с гордостью должны носить это бремя... Обязанность

⁴⁸ Churchill W. Указ. соч. Т. I, стр. 326—327.

⁴⁹ «Congressional Record» от 1 мая 1941 г., стр. А. 2187 — 88.

всего финансового мира, так же как и нашего банка, заключается в том, чтобы посвятить все свои силы и энергию быстрому и здоровому выполнению программы вооружения»⁵⁰. Тот факт, что нахнувшие нефтью бизнесмены соглашались «с гордостью» нести «бремя арсенала демократии», указывал на то, что это «бремя» было весьма прибыльным делом и сулило «приобретение» новых нефтяных месторождений на Ближнем Востоке или где-либо в другом месте.

Позиция наиболее влиятельных кругов американского монополистического капитала оказала влияние и на поведение двух главных политических партий американской буржуазии — демократов и республиканцев. Политику сотрудничества с Англией поддерживало не только подавляющее большинство демократической партии, но и значительная часть республиканцев. Такие видные деятели республиканской партии, как Стимсон, Нокс, Уайт и Липпман, уже давно завоевали репутацию ярых «интервенционистов». В пользу сотрудничества с Англией высказывался кандидат в президенты от республиканской партии Уилки. Решительным сторонником скорейшего вступления США в войну являлся Стимсон, занимавший в правительстве Рузвельта (с июня 1940 г.) пост военного министра; он оказывал постоянное давление на президента в этом направлении. Стимсона можно по праву назвать лидером «военной партии» в правительстве Рузвельта.

В апреле 1940 г. был создан «Комитет защиты Америки путём оказания помощи союзникам». На первом заседании этого комитета присутствовали: Т. Ламонт, Джон Дэвис, аторней фирмы Моргана, крупный капиталист Дуглас, Стимсон и другие. Главной фигурой, связывавшей комитет с Уолл-стритом, являлся Т. Ламонт. Финансировали комитет Морган, Ламонт, Гугенгейм, Варбург, Гарриман, Уитни и другие. Не желая, чтобы Рузвельт извлёк для себя и демократической партии все политические выгоды из деятельности этого комитета, Ламонт поставил во главе последнего республиканского деятеля В. Уайта⁵¹. Комитет должен был формулировать и пропагандировать единую внешнюю политику обеих партий американской буржуазии. Предложения этого комитета, как правило, на пару недель превосхищали соответствующие шаги правительства Рузвельта.

Многие «интервенционисты» не скрывали, что помощь Британской империи является лишь средством на пути к мировому господству США. Они говорили, что история предоставила США последний случай для достижения этой цели, что тесное сотрудничество с Британской империей и создание мировой сети морских и воздушных баз должны заложить основу для будущей мировой гегемонии США⁵². «На первый взгляд, мы вооружаемся во имя обороны,— писал Бюэлл.— Мы создаём вооружённые силы предположительно с таким расчётом, чтобы они были достаточно велики для обороны США и Западного полушария... но потом внезапно обнаружится, что они достаточно велики и для вмешательства в дела Европы... Чем могущественнее будут становиться наши вооружённые силы, тем сильнее будет соблазн применить их для защиты американских интересов там, где раньше не думали этого делать»⁵³.

Президент Национального промышленного совета США Джордан в своём выступлении на собрании ассоциации банкиров 10 декабря 1940 г. следующим образом разъяснил смысл американской «программы национальной обороны». Для правительства, говорил он, является нормальным и законным делом скрывать от народа «все важные факты, относящиеся к целям политики». Но для каждого «просвещённого человека» совершенно ясно, что правительство США «выдало обязательство... участвовать

⁵⁰ «Statist» от 18 января 1941 года.

⁵¹ «Congressional Record» от 30 декабря 1940 г., стр. 21753—57.

⁵² Carr A. America's last chance. New York. 1940.

⁵³ Buehl R. Isolated America, p. 281. New York. 1940.

в этой войне в качестве экономического союзника Англии и в качестве её духовного, если не политического, партнёра по борьбе с врагами Британской империи в любой части мира с тем, чтобы помочь предупредить, если возможно, её разрушение. Если же это окажется невозможным, то занять её место, как наследник всего того, что останется от экономического и политического имущества Империи». «Каков бы ни был исход войны, Америка встала на путь империализма как в области мировой политики, так и в каждом другом проявлении её жизни... Если даже при нашей помощи Англия выйдет из этой борьбы без поражения, она настолько обнищает экономически и подорвёт свой престиж, что было бы совершенно невероятным, чтобы она смогла восстановить или поддерживать господствующие позиции в мировой политике... В лучшем случае она станет младшим партнёром в новой системе англо-американского империализма, центром которой будет военная и морская мощь США». «Всё это, — заключил свою речь Джордан, — составляет скрытое содержание фразы «национальная оборона»⁵⁴. Считая речь Джордана как бы программным документом, Промышленный совет разослал текст этой речи редакциям газет и журналов.

Как ни соблазнительна была перспектива поглощения американским империализмом Британской империи и установления мирового господства Америки, всё же та часть американской буржуазии, которая образовала лагерь «умиротворителей-изоляционистов», стояла за то, чтобы США ограничились пока что укреплением своего господства в Западном полушарии и воздерживались от активного участия в войне против Германии. Наиболее крикливыми представителями лагеря «умиротворителей» являлись Линдберг, сенатор Уиллер и конгрессмен Гамильтон Фиш. Но действительный политический вес и влияние этому лагерю придавали лидеры республиканской партии — Гувер, Лэндон, Тафт и Ванденберг. За их спиной стояли такие крупные капиталисты, как Форд, Дюпоны, Херст, Уатсон, Муни и другие. В своей шумной кампании против внешней политики правительства Рузвельта «умиротворители» опирались на многочисленные изоляционистские и фашистские организации.

Главные аргументы «умиротворителей» сводились к следующему: в случае поражения Германии в Европе будет господствовать, по их мнению, не Англия, а Советский Союз; поэтому американская помощь Англии в конечном счёте послужит усилению «коммунизма» в Европе; Германия не угрожает Америке, — как можно говорить о вторжении немцев в Западное полушарие, когда они не в состоянии форсировать Ла-Манш; США должны «вооружаться до зубов», но воздерживаться от активного участия в войне с Германией; в случае победы Германии США будут иметь возможность сотрудничать и торговать с гитлеровской Европой не хуже, чем до войны; дело идёт к новому переделу мира; главные жизненные интересы США находятся в Западном полушарии, и оно должно остаться сферой влияния США; что касается Британской империи, то едва ли она переживёт нынешнюю войну; кроме того, нельзя доверять Англии: она в любое время может заключить мир с Германией за счёт интересов США; лучшим выходом из положения явился бы мир по соглашению, продиктованный воюющим сторонам Америкой; США должны использовать всё своё влияние для заключения подобного мира. Соглашаясь с тем, что США должны оказывать материальную помощь Англии, Лэндон, Тафт и Ванденберг требовали соблюдать при этом крайнюю осторожность. Оставаясь вне войны и усиленно вооружаясь, говорили они, США к концу войны будут самой сильной морской державой и смогут занять хорошее место за столом мирной конференции⁵⁵.

⁵⁴ «New Masses» от 31 декабря 1940 года.

⁵⁵ «Congressional Record» от 7 мая 1941 г., стр. А. 2292—94; от 19 мая 1941 г., стр. 2496; от 18 сентября 1941 г., стр. 4564—66.

Таким образом, разница в позиции «интервенционистов» и «умиротворителей» в первую очередь определялась различной оценкой относительной степени германской опасности, с одной стороны, и возможности победы революции в Европе, — с другой. В то время как «умиротворители» считали желательным заключение мира по соглашению, даже ценою признания господства Германии в Европе, «интервенционисты» отвергали подобный мир. Наиболее влиятельные группы финансового капитала — Морганы, Рокфеллеры и прочие — после поражения Франции отказывались продолжать политику умиротворения Германии. Такая политика была теперь равносильна самоограничению американского империализма, его добровольному отказу от передела мира соответственно тем силам и ресурсам, которыми он располагал. Для этих кругов вопрос стоял так: разумно ли за те услуги, которые Германия может оказать в качестве контрреволюционной и антисоветской силы, заплатить ей такую цену, как признание германского господства в Европе, как переход под её контроль большей части колоний Англии и Франции? «Справедливо» ли ради этого отказываться от своих собственных экспансионистских планов, добровольно замкнув себя в пределах Западного полушария? С точки зрения представителей американского монополистического капитала, одна из целей войны заключалась в том, чтобы заставить немецких империалистов выполнять в Европе роль контрреволюционной и антисоветской силы за ту плату, которую назначит им Америка.

★

Англичане с нетерпением ожидали окончания избирательной кампании в США, которая, как они считали, связывала руки правительству Рузвельта в деле оказания более эффективной помощи Англии. «Мы убеждены, — писал Гарвин в сентябре 1940 г., — что если Англия продержится ещё несколько месяцев, США, когда закончатся президентские выборы... сделаются могущественным воюющим союзником в результате требования подавляющего числа американского народа»⁵⁶.

Три дня спустя после окончания избирательной кампании (8 ноября) Рузвельт объявил, что Англии и Канаде предоставлено право закупить 50% всей американской военной продукции. Но для англичан теперь особую остроту приобретал вопрос о финансовых условиях этих поставок. В Англии считали, что принцип «кэш энд кэрри»⁵⁷ не может дальше служить основой американской «помощи». «Англичане в Вашингтоне, — сообщал А. Крок, — считают, что Англия «уже расторгнула имеющийся у неё запас морских баз и других подобных средств платежа», и поэтому они находят, что «пора покончить с официальной политикой (США. — И. К.) когда каждая выдача Америкой значительной порции военной помощи должна сопровождаться торговой сделкой»⁵⁸.

Неизбежность предоставления Англии финансовой помощи понимали и американские капиталисты. Но они далеко не были уверены в том, что время для этого уже наступило. В Америке началась дискуссия о том, исчерпала ли Англия свои валютные ресурсы и следует ли предоставлять ей займы.

Американский посол в Лондоне Кеннеди, находившийся в это время в США, 11 ноября сделал заявление, которое поразило даже тех, кто привык к отсутствию такта у этого экспансивного бизнесмена на дипломатическом посту. Кеннеди заявил, что наличие в правительстве Черчилля министров-лейбористов означает, что с «демократией в Англии по-

⁵⁶ «Observer» от 8 сентября 1940 года.

⁵⁷ Принцип «кэш энд кэрри», установленный американским законом о нейтралитете от 4 ноября 1939 г., разрешал продажу американских товаров воюющим странам только за наличный расчёт и запрещал перевозку их на американских судах.

⁵⁸ «New York Times» от 24 ноября 1940 года.

кончено» и что Англия переходит к «государственному социализму». Он выразил своё сомнение в способности Англии продолжать длительное сопротивление и указал, что если США вступят в войну, то американцам придётся «одним нести мешок». Он советовал не повторять ошибок первой войны, когда англичане сохранили свои капиталы в Америке, а США, предоставляя займы Англии, оказались с «длинной цифрой» государственного долга. «Мы должны взять их (английские капиталы в США. — И. К.)... и только тогда, когда они (англичане. — И. К.) полностью израсходуют свои валютные резервы, дать им денег в виде «страховой премии». «Было бы бессмысленно вступать в войну. Ради чего мы будем воевать?» «Англия воюет не за демократию. Это чепуха». «Говорить, что США не будут торговать с Европой, если победит Гитлер, является бессмыслицей». «Я говорю, что мы не вступим в войну. Разве только — через мой труп. Я истрочу всё, если это потребуется, для того, чтобы удержать США вне войны»⁵⁹.

Аргументы Кеннеди, выдвинутые им против вступления Америки в войну, совпадали с теми, которые выдвигались и другими «умеротворителями». Но его взгляды в наиболее актуальное тогда вопросе о предоставлении финансовой помощи Англии разделялись многими представителями официальных кругов США.

23 ноября Лотриан сделал представителям печати заявление о том, что валютные ресурсы Англии истощаются и что она сможет оплачивать свои закупки в США наличными только в течение 6 месяцев или, в крайнем случае, года. Своё заявление Лотриан сделал вскоре после того, как Рузвельт объявил, что в ближайшее время не предвидится обсуждение какого-либо предложения о финансовой помощи Англии⁶⁰. Поэтому публичное выступление Лотриана было встречено в Белом доме с плохо скрываемым раздражением. Во время своей беседы с английским послом 25 ноября Рузвельт напомнил ему про те огромные капиталы, которые Англия разбросала по всему миру и которые достаточны для того, чтобы в течение длительного времени оплачивать английские заказы в США⁶¹.

Было очевидно, что и правительство и конгресс США не считали положение Англии настолько критическим, чтобы нужно было спешить с вопросом о предоставлении ей займов. В сообщениях из Вашингтона указывалось на существование в правительственных кругах мнения, что англичане не желают ликвидировать свои большие инвестиции в США и в Южной Америке для того, чтобы иметь лучшие позиции в международной торговле после войны, и что пока Англия владеет этими инвестициями, трудно будет убедить конгресс в необходимости предоставить ей заём⁶².

Англия вступила в войну, имея в резерве около 4,5 млрд. долл. в золоте, в валюте или в виде английских инвестиций в США, обратимых в доллары. Кроме того Канада имела в США на 1 млрд. долл. активов и другие страны Британской империи — на несколько сот миллионов долларов. По официальным данным, с 1 сентября 1939 г. по 31 декабря 1940 г. Англия израсходовала из этих резервов 2316 млн. долл., главным образом за счёт золотых и долларовых ресурсов. Английские инвестиции в США (около 2 млрд. долл.) оставались пока ещё почти нетронутым резервом⁶³.

Многие сенаторы и конгрессмены высказывали мнение, что прежде чем оказывать Англии финансовую помощь, необходимо «обследовать» размеры английских инвестиций в США. Раздавались голоса и о том, чтобы потребовать от Англии в обмен за финансовую помощь передачи

⁵⁹ «Congressional Record» от 19 ноября 1940 г., стр. 20977—78.

⁶⁰ «New York Times» от 24, 25 ноября 1940 года.

⁶¹ «How war came», p. 111.

⁶² «New York Times» от 26 ноября 1940 года.

⁶³ «Documents 1940—1941», p. 529; «Foreign policy reports» от 1 января 1941 года.

США всех её островных владений в Западном полушарии, отказа от фактической монополии Англии на выплавку олова и обещания изменить торговую политику Англии в соответствии с пожеланиями американцев. Председатель федерального резервного бюро Экклес, выступая на собрании промышленников, поставил вопрос так: «Не разумнее ли будет предоставить Англии заём, взяв в качестве залога её будущую добычу золота и её инвестиции в США, в Канаде и в других местах, чем продолжать накапливать всё большую часть мировых запасов золота?»⁶⁴. Министр торговли Джоунс признавал, что «Англия стоит того, чтобы рискнуть займом», но предварительно он желал бы познакомиться с английским платёжным балансом⁶⁵.

Таким образом, в поведении представителей правящих кругов США снова совершенно явственно обнаружилось стремление использовать затруднения Англии для овладения её экономическими и стратегическими позициями в интересах американского монополистического капитала.

Выступлениям изоляционистов в Англии не придавали серьёзного значения. Но английская буржуазная печать выражала возмущение поведением правительства США, которое не только холодно отнеслось к первым английским заявлениям о необходимости финансовой помощи, но даже связывало предоставление этой помощи с вопросом об английских зарубежных капиталовложениях. В английской печати указывалось, что внешняя политика США страдает «шизофренией» и что американские лидеры, начиная с президента, вместо того, чтобы «перевоспитывать» американцев, фактически поощряют или усиливают изоляционистские настроения в Америке⁶⁶. В Англии спрашивали: как могут американцы обуславливать свою финансовую помощь Англии уступками с её стороны в пользу США после всего, что было сказано и пересказано американскими лидерами относительно той роли, которую играет сопротивление Англии для безопасности США? Если продолжение войны с Германией будет стоить Англии ликвидации её «финансовой империи», то не выгоднее ли заключить компромиссный мир с Германией? В сообщениях американских корреспондентов из Лондона говорилось, что, по мнению англичан, до сих пор дело сводилось к тому, что американцы произносили «большие слова» и назначали «большую цену» за всё то, что получала Англия⁶⁷, и что если США не окажут Англии быстрой и достаточной помощи, «может наступить день, когда Черчилль обратится к США с призывом, подобным тому, который был сделан Рейно накануне падения Франции»⁶⁸. А в «призыве Рейно», как известно, вопрос ставился так: или США вступают в войну против Германии или же Франция заключит мир с немцами.

Раздражение английского буржуазного общественного мнения «мелочностью» и «барышничеством» американцев было так велико ещё и потому, что английское правительство намеревалось потребовать от Америки гораздо больше, чем финансовую помощь. В палате общин 4 декабря обсуждался вопрос о военном положении Англии. Во всех выступлениях проводилась одна мысль: существующая помощь со стороны США недостаточна. Выдвигались требования не только облегчения финансового бремени Англии, но и оказания действенной помощи со стороны США в борьбе за безопасность морских коммуникаций в Атлантике. Консерватор Гэннэ заявил: «Мы должны обратиться к США с абсолютной прямоотой и сказать с совершенной ясностью, чего мы желаем от них. Прежде всего мы желаем финансовой помощи». Имея в виду притязания США определять будущие условия мира, Гэннэ сказал: до сих пор «нам было известно, что тот, кто нанимает флейтистов, пользуется и приви-

⁶⁴ «New York Times» от 5 декабря 1940 года.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ «Observer» от 29 декабря 1940 года.

⁶⁷ «New York Times» от 12 декабря 1940 года.

⁶⁸ Там же от 8 декабря.

легией заказывать музыку, но я никогда не слышал, чтобы этим правом пользовался тот, кто продаёт флейты на основе принципа «кэш энд кэрри»⁶⁹.

Требования американских империалистов относительно ликвидации английских инвестиций в США и в Латинской Америке сильнее всего задевали интересы как раз тех английских капиталистов, которые наиболее последовательно поддерживали политику соглашения с Германией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эти круги оказывали давление на правительство Черчилля в пользу мира с Германией, пока американцы не успели снять с них «последнюю рубашку». Выступление в пользу мира 5 декабря имело место и в парламенте.

Президенту, находившемуся на борту крейсера в Карибском море, 9 декабря было доставлено письмо Черчилля (от 8 декабря), содержавшее подробное описание военного положения Англии и ряд новых требований к Америке. Это письмо составлялось и обсуждалось военным кабинетом, начиная с середины ноября. Главная цель письма заключалась в том, чтобы реализовать в интересах Англии переизбрание Рузвельта на третий президентский срок, ускорив вступление США в войну.

Указав, что перед Англией встаёт новая «смертельная опасность», связанная с быстрым сокращением морского тоннажа, и что исход военной кампании в 1941 г. будет зависеть от положения на море, Черчилль выдвинул следующий план преодоления этой опасности: 1) возвращение США к доктрине «свободы морей» с тем, чтобы расширить участие американских судов в «международной торговле»; 2) вооружённые силы США должны взять на себя охрану этой «законной торговли» путём введения системы конвоирования американских судов линкорами, крейсерами, эсминцами и авиацией. «Эффективность этой охраны,— писал Черчилль,— была бы в огромной степени увеличена, если бы вам удалось получить на время войны базы в Ирландии. Я не думаю, что такого рода охрана вызовет объявление войны со стороны Германии, хотя, возможно, морские инциденты опасного свойства время от времени будут возникать». Если США не смогут встать на этот путь, говорилось в письме, тогда они должны передать Англии займы или в виде «дара» значительное количество своих военных кораблей; ввести систему патрулирования на американской стороне Атлантики; использовать всё своё влияние для того, чтобы помочь Англии получить базы на южном и западном побережье Ирландии; предоставить Англии все излишки тоннажа своего торгового флота сверх потребностей США; дополнительно поставлять 2 тыс. самолётов в месяц и, наконец, оказать Англии финансовую помощь. «Приближается время, когда мы не сможем дальше платить наличными за получаемые материалы. Хотя мы делаем всё возможное и не уклоняемся от соответствующих жертв для того, чтобы производить платежи валютой, я считаю, вы согласитесь с тем, что было бы неправильно в принципе... чтобы после того, как ценою нашей крови будет достигнута победа, спасена цивилизация... а для США выиграно время для завершения вооружения... мы должны были бы стоять раздетыми догола». В заключение Черчилль предлагал рассматривать это письмо «не как призыв о помощи, а как изложение минимума действий, необходимых для достижения общей цели»⁷⁰.

Письмо Черчилля «произвело сильное впечатление» на президента⁷¹. Оно было получено в такой момент, когда из Англии поступили сигналы предостережения относительно того, что английскому правительству придёт столкнуться с серьёзными внутривнутриполитическими затруднениями в том случае, если США будут вести себя как «бесчувственный банкир». Официальные круги Вашингтона, контролируемая правительством часть

⁶⁹ «Parliamentary debates». Fifth series. Vol. 367, p. 585.

⁷⁰ Churchill W. Указ. соч.; «New York Times» от 7 марта 1949 года.

⁷¹ «The secret papers of H. Hopkins». «Collier's» от 12 июня 1948 года.

конгресса и «деловые круги» Нью-Йорка прекратили разговоры о желательности получить английские инвестиции в обмен за американскую финансовую помощь. По словам полуофициальных интерпретаторов внешней политики Рузвельта, президент всегда считался с возможностью того, что Англия может вернуться к политике «умиротворения Германии». «Не могло быть никакой гарантии, что политика умиротворения не была бы возрождена распространением фаталистических настроений, что единственная надежда связана с попыткой заключить сделку с Гитлером. Подобного рода настроения могли бы легко возобладать, если бы в качестве цены за американскую помощь явилась постепенная передача английской финансовой империи в руки американцев... Великий вопрос, возникший в Дюнкерке и всё ещё не получивший окончательного ответа, заключается в том, войдёт ли Англия в орбиту Германии или она будет продолжать служить в качестве могущественного восточного бастиона в деле обороны Северной Америки... Во имя жизненных интересов безопасности США президент не мог пойти на такую рискованную политику, которая могла бы подорвать волю англичан к сопротивлению и таким образом открыла бы путь к миру по соглашению»⁷².

Таким образом, эта откровенная интерпретация поведения американского правительства признаёт, что в декабре 1940 г. от соблазна ограбить своего английского партнёра правительство США удерживала лишь боязнь толкнуть правящий класс Англии на сделку с Германией. Преследуя более крупную цель — ослабление германского соперника и постепенное подчинение США всей Британской империи, правительство США старалось соблюдать осторожность и чувство меры во всех случаях, когда речь шла о «приобретении» той или другой позиции Англии. Оно умело во-время останавливать тех американских империалистов, которые ради получения частной выгоды своей бесцеремонностью могли помешать достижению главной цели. В данном случае правительство США, не отказываясь использовать затруднительное положение Англии, выдвинуло такой план, который гораздо лучше служил его политике постепенного обволакивания Британской империи прочной сетью зависимости.

В Белом Доме пришли к заключению, что финансовую помощь Англии необходимо оказать, не связывая её с вопросом об английских инвестициях в США. Хэлл пригласил к себе «бизнесменов в правительстве» — Стеттиниуса, Кнудсена и Нельсона — и сообщил им о «крайне опасном положении Англии» и о настоятельной необходимости усиления оказываемой ей помощи. «Ваша задача, — сказал Хэлл, — разъяснить это деловым кругам»⁷³. «Вместе с Гарриманом, Баттом, Биргером и другими бизнесменами в правительстве, — говорит Стеттиниус, — мы в тот же день приступили к работе. Мы устроили совещание с представителями Американской торговой палаты и с другими организациями бизнеса. Нельсон отправился разговаривать со своими друзьями-бизнесменами в Чикаго. Кнудсен и я совещались с промышленными лидерами, представлявшими все части страны, и разъясняли им критический характер нашего положения»⁷⁴. Наиболее влиятельная часть «деловых кругов» США поддержала правительство. Фирма Моргана привела в движение «Комитет защиты Америки путём оказания помощи Англии». За немедленное предоставление финансовой помощи Англии, даже, если потребуется, в форме безвозмездной субсидии, высказывался и представитель рокфеллеровской группы, банкир Олдрич. Соответствующим образом была настроена и подчинённая «деловым кругам» печать.

В правящих кругах США преобладало мнение, что финансовая помощь им в коем случае не должна носить характера займов, наподобие

⁷² «How war came», pp. 113—114.

⁷³ Steitinius E. Указ. соч., стр. 65.

⁷⁴ Там же.

тех, которые были предоставлены Америкой европейским союзникам в 1914—1918 годах. Дело было, конечно, не в том, что путь к таким займам преграждали закон Джонсона и закон о нейтралитете. Опыт прошлых лет убеждал американцев не только в трудности взыскания платежей по этим займам, но и в отрицательном влиянии этого дела на внешнюю торговлю США. В американской печати указывалось, что выход нужно искать в воскрешении субсидий того типа, которые Англия предоставляла своим европейским союзникам во время войн XVIII века. В современных условиях это должно было выразиться в форме «бесплатного» снабжения английской армии американскими военными материалами и оружием. Моргантау, Гопкинс и Стимсон рекомендовали решить вопрос в этом духе.

Выступая 17 декабря перед комиссией конгресса, Моргантау сообщил о том, что англичане «выскребли бочку до дна» и что английское правительство обратилось с официальной просьбой оказать финансовую помощь. В тот же день Рузвельт на пресс-конференции изложил свой план оказания финансовой помощи Англии.

Президент сказал, что существуют два «банальных» метода разрешения проблемы снабжения Англии американскими военными материалами: 1) предоставить английскому правительству заем; 2) предоставить Англии оплаченные американским правительством оружие, пароходы и военные материалы в виде «дара». Президент выразил сомнение в том, что англичане пожелали бы принять такого рода «дары» за счёт американского налогоплательщика. Он выдвинул третий, «небанальный» метод — передачу американского вооружения и материалов взаймы или в аренду, с последующей выплатой образовавшегося долга «натурой» с тем, чтобы освободить эту операцию от «тяжелых старых знаков доллара»⁷⁵.

Понятно, что высказанное президентом сомнение относительно того, пожелают ли англичане принять американское оружие в виде «дара», относится к области чистой риторики. Дело заключалось в том, что помощь, оказанная в форме «дара» или безвозмездной субсидии, лишила бы Америку возможности использовать помощь как орудие влияния на внешнюю политику Англии во время и после войны. А правительство США совсем не собиралось упускать представившийся случай для закрепления такого рода влияния. Дэвис и Линдлей говорят, что «президент считал необходимым подкрепить, посредством щедрой ссуды под заклад, решимость англичан продолжать войну, но таким путём, чтобы сохранить в наших руках средство влияния на английскую политику во время и после войны»⁷⁶.

Принцип выплаты англичанами своего долга «натурой» открывал возможности для самого широкого его толкования. С самого начала никто в Америке серьёзно не думал о том, что в возмещение за полученные от США танки, самолёты и продовольствие англичане после войны будут поставлять американцам такого же рода предметы. Под формулу выплата «натурой» можно было подвести самые разнообразные осязаемые и «неосязаемые» вещи. «В голове президента и тех, кто его окружали,— говорится в только что цитированной книге,— условия возмещения постепенно расширялись, чтобы, наряду с предметами в натуре, включить другие ценные компенсации — новые аренды, сырые материалы и торговые соглашения»⁷⁷.

В. Липпман шёл ещё дальше. «Если этот план,— писал он,— будет надлежащим образом оговорён соглашением, он должен быть гарантирован не только финансовыми ресурсами Британской империи, но и тем, что для нас является более ценным,— флотом и воздушными силами этой империи. На основе этого плана обязательство Черчилля, данное им

⁷⁵ «The public papers». 1940 volume, pp. 605—607.

⁷⁶ «How war came», p. 114.

⁷⁷ Там же, стр. 118—119.

В июне этого года — никогда не сдавать английский флот, — может быть значительно усилено. Ибо мы должны установить право наложения ареста на всё увеличивающуюся часть военного имущества английского должника и если — предположив худшее — мы не смогли бы вернуть обратно то, что Гитлер может захватить, мы могли бы оказать сильное влияние на раздел всего того, на что победоносный Гитлер фактически не смог бы наложить свою руку»⁷⁸.

В связи с решением президента предоставить Англии широкую материальную помощь в американской печати выдвигались к Англии и другого рода требования. Выступая от имени «тех влиятельных американцев, которые не считают, что война Англии есть американская война», А. Крок предлагал Черчиллю ответить на следующий вопрос: «Если Англия победит, какого рода мировой порядок она думает установить... и какую роль она намеревается отвести Америке в этом новом порядке?» А. Крок указывал, что поскольку США «делают необходимые жертвы» и «берут на себя риск, связанный с предоставлением полной помощи Англии», «влиятельные американцы» желают знать, «придаст ли Англии полная американская помощь ту силу», которая потребуется для того, чтобы закончить войну «англо-американским миром» или же всё дело закончится германским миром, угрожающим Америке⁷⁹. Другими словами, «влиятельные американцы» считали, что поскольку Америка, так сказать, намеревалась оплачивать расходы по содержанию знаменитых шотландских волынщиков, Гэннэ и его коллеги в английском парламенте не могли уже больше отказывать американцам в праве «заказывать и музыку». Но статья А. Крока имела и другое значение. Так же, как и статья Липпмана, она выражала широко распространённое в США опасение того, что Англия использует американскую помощь в качестве лишнего козыря в торге с Гитлером и заключит в конце концов сделку с Германией, не позаботившись об интересах Америки.

Приняв в принципе решение предоставить Англии финансовую помощь, правительство США обсуждало детальные условия плана президента. По словам Моргентгау, Хэлл был склонен ограничить размеры американской финансовой помощи цифрой в 5 миллиардов долларов. Кроме того Хэлл предлагал, чтобы англичане в качестве «заклада» предъявили свои заграничные инвестиции. Стимсон решительно возражал против предложения Хэлла, заявив, что он «не желает того, чтобы США превратились в ломбард для Британской империи»⁸⁰. В конце концов правительство приняло тот самый вариант законопроекта о ленд-лизе, который в марте 1941 г. был утверждён конгрессом.

Правительством Рузвельта обсуждались также и те требования английского правительства, которые были связаны с борьбой за безопасность морских коммуникаций в Атлантике. На заседании кабинета 19 декабря Стимсон предложил предпринять прямое вмешательство американского флота в борьбу против немецких подводных лодок. Президент отклонил это предложение, считая его преждевременным⁸¹.

⁷⁸ «New York Herald Tribune» от 19 декабря 1940 года. В те самые дни, когда правительство США готовило свой акт помощи Англии, оно, по словам Черчилля, совершало такие действия, которые казались англичанам «жестокими, мучительными». В конце декабря, говорит он, американское правительство «послало военный корабль в Кэптаун, чтобы увезти всё золото, которое мы там сконцентрировали». Черчилль предлагал американцам вместо золота, хранившегося в Кэптауне, взять английское золото в Оттаве. Однако американцы считали, что золото в Оттаве и без того фактически находится под их контролем. Они спешили забрать золото из более удалённого от США места, руководствуясь своими политическими соображениями. Крейсер «Луизвилл» погрузил в Кэптауне английское золото на 148 млн. долл. и в январе 1941 г. доставил его в США (Churhill, W. Указ. соч. Т. II; «New York Times» от 8 марта 1949 года).

⁷⁹ «New York Times» от 19 декабря 1940 года.

⁸⁰ «The Morgenthau diaries», «Collier's» от 18 октября 1947 года.

⁸¹ Stimson H. Указ. соч., стр. 367.

Заручившись поддержкой могущественной финансовой олигархии США, президент был уверен в том, что план ленд-лиза получит одобрение конгресса. Поэтому уже 18 декабря он предложил передать в Лондон о том, чтобы английское правительство продолжило свои заказы в США примерно на сумму в 3 млрд. долл., исходя из предположения, что эти заказы оплачивать наличными не придётся⁸².

В своей речи по радио 29 декабря 1940 г. Рузвельт главный огонь направил против «умиротворителей». Он решительно отвергнул выдвинутое Ванденбергом и Уиллером предложение, чтобы США выступили в роли посредника для заключения мира по соглашению⁸³. Такой мир, сказал президент, означал бы лишь «перемирие, ведущее к гигантской гонке вооружений и к самой опустошительной торговой войне в истории». Он заявил, что США полны решимости оказывать ей всё возрастающую материальную помощь и что «никакие угрозы диктаторов» «не ослабят эту решимость»⁸⁴.

Речь президента явилась официальным признанием того факта, что к концу 1940 г. США превратились в невоюющего союзника Англии и что они берут Британскую империю под своё покровительство.

Англо-американский блок, сформировавшийся в 1940 г., заключал в себе глубокое внутреннее противоречие. Англию и Америку объединили общая опасность со стороны Германии и Японии и общее желание избавиться от немецкой и японской конкуренции на мировых рынках. Но для США цели войны этим не исчерпывались. Одна из особенностей второй мировой войны заключалась в том, что США стремились к переделу рынков и сфер влияния не только за счёт Германии и Японии, но и за счёт Англии.

В ходе войны США постепенно опутывали Британскую империю прочной сетью зависимости. Характер американской помощи был рассчитан на то, чтобы облегчить захват Америки мировых стратегических и экономических позиций Англии. Американцы оказывали помощь своему английскому союзнику в таких формах и размерах, чтобы сохранить в своих руках средства контроля над английской политикой и после войны. Даже в наиболее критический для Англии период войны — летом и осенью 1940 года — США не отказывались от использования затруднительного положения Англии для укрепления своих позиций за счёт Британской империи. Только опасение толкнуть Англию на мир с Германией вынуждало американских империалистов до поры до времени умерять политику ограбления своего союзника.

Старое англо-американское соперничество не исчезло и после войны. Создание группировок и подписание пактов, говорится в заявлении Министерства иностранных дел СССР о Северо-атлантическом пакте, «ещё не ликвидирует тех многочисленных трений и противоречий, которые существуют в жизни между странами, подписавшими эти пакты. Даже внутри англо-американского блока появление этих пактов отнюдь не уменьшает противоречий между главными партнёрами, поскольку агрессивные стремления обеих держав сталкиваются друг с другом на каждом шагу»⁸⁵. За официальным фасадом англо-американского «сердечного согласия» скрывается упорная то открытая, то глухая борьба за экономические и политические позиции в Западной Европе, в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Индии и в других районах земного шара.

⁸² «New York Times» от 19 декабря 1940 года.

⁸³ Там же от 27 декабря.

⁸⁴ «The public papers», 1940 volume, pp. 639—640.

⁸⁵ «Правда» от 29 января 1949 года.